

Евгений Стефанский

Русские концепты "печаль", "грусть" и "тоска" на фоне польской и чешской лингвокультур

Przegląd Wschodnioeuropejski 2, 329-345

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЕВГЕНИЙ СТЕФАНСКИЙ

Самарская гуманитарная академия, Россия

РУССКИЕ КОНЦЕПТЫ «ПЕЧАЛЬ», «ГРУСТЬ» И «ТОСКА» НА ФОНЕ ПОЛЬСКОЙ И ЧЕШСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Многие лингвисты, историки и культурологи сделали вывод о приоритете индивидуума в культуре Запада и коллектива – в русской культуре.

Так, А. В. Липатов исследует влияние особенностей государственной власти в России и Польше на национальный менталитет русских и поляков. По мысли автора, русский менталитет во многом определила вера в эффективность самодержавия, основанная на беспрекословном подчинении воле царя как помазанника Божьего. Отсюда исключение самостоятельного – личностного – мышления и отсутствие гражданской дееспособности у всех социальных слоев. Тогда как характерная для польской ментальности трактовка государства для личности, а не личности для государства коренится в сложившемся в XV–XVI вв. государственном устройстве под названием *Речь Посполитая* (калькировавшим в польский язык лат. *res publica*). Суть этого устройства – в утрате королем, избиравшимся на трон представителями локальных шляхетских сеймиков, суверенной власти, в равноправии всего правящего сословия – от короля до безземельного шляхтича, создававшим атмосферу сословного братства. Именно поэтому, по словам А.В.Липатова, «государство как „общественное дело” (*res publica*) осознавалось в качестве института, призванного служить шляхте – сообществу индивидуумов, обладающих равными правами, – а тем самым и каждому члену этого общества в отдельности»¹.

Думается, что эти ментальные особенности – игнорирование личностного мышления (у русских) и приоритет личности (у поляков) – можно рассматривать в качестве одной из ключевых идей, повлиявших

¹ А. В. Липатов, *Государственная система и национальная ментальность (Русско-польская альтернатива)*, [в:] *Dusza polska i rosyjska: spojrzenie współczesne*, pod red. A. de Lazariego i R. Bäckera, Łódź 2003, s. 85.

на эмоциональную картину мира в соответствующих лингвокультурах. Этот тезис и будет далее доказан на материале русских концептов «грусть», «печаль», «тоска» и их соответствий в польской и чешской лингвокультурах.

В русской лингвокультуре эмоция печаль по крайней мере генетически – это коллективное чувство, вызванное разлукой. В архаическом сознании разлука мыслилась лишь как иная форма контакта, а сама встреча-разлука понималась синкретически. Ср. антонимию бесприставочных глаголов в древнерусском языке: *лоучати* сА ‘удаляться’ – *лоучити* ‘встретить’², а также межъязыковую омонимию: польск. *łączyć* ‘соединять’ – чешск. *loučit* ‘разлучать’. Таким образом, печаль – это разлука и встреча одновременно, единение живых и мертвых, предков и потомков, осуществляемая через ритуал, в ходе которого живой просит у мертвого помощи и защиты, включая его в жизнь рода, некий непрерывный хоровод *жизни-смерти, встречи-разлуки*. Печаль может быть генетически осмыслена как чисто человеческое чувство обретаемой целостности рождающегося социума³.

Сопоставляя русские имена эмоций *грусть* и *печаль*, А. Вежицкая отметила, что *грусть* в русском языке не ассоциируется с ситуацией смерти близкого человека. Здесь как раз уместнее говорить об эмоции *печали*, а чаще даже о *горе* или *отчаянии*.⁴

Грусть в русской лингвокультуре не только и не столько «легкая печаль» или «мимолетное чувство» (такого рода «количественные» различия *грусти* и *печали* лежат на поверхности). Это чувство более личностное, интимное, субъективное. Следовательно, сформировалось и вербализовалось оно значительно позднее *печали* – с возникновением личностного сознания. Показательно, что, по данным В. В. Колесова, «слово *грусть* отсутствует в языке до самого XVII в., хотя нет-нет, да и проскользнет упоминание о *грустности*, т.е. печали. Слишком слабое это переживание для наших суровых предков, слишком личное, чтобы обращать на него внимание».⁵

Противопоставление *печали* и *грусти* по линии «объективированность – субъективность», как считает А. Вежицкая, демонстрируется невозможностью для первой и типичностью для второй употребления в

² *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, Москва 1988, т. IV, с. 435–437.

³ Подробнее см.: С. З. Агранович, Е. Е. Стефанский, *Миф в слове: продолжение жизни*, Самара 2003, с. 59–87.

⁴ А. Вежицкая, *Сопоставление культур через средство лексики и прагматики*, Москва 2001, с. 25.

⁵ В. В. Колесов, *Древняя Русь: наследие в слове*. Кн. 3: *Бытие и быт*, Санкт-Петербург 2004, с. 76.

дативных конструкциях, которые указывают на субъективное, спонтанно возникшее и зачастую неосознаваемое, беспричинное чувство. См: *Мне грустно*, при невозможности *Мне печально. С другой стороны, чувство *печали*, по мысли исследовательницы, предполагает, что «это эмоциональное состояние обусловлено сознательной и, так сказать, намеренной мыслью»⁶.

Думается, что подобная объективированность *печали* объясняется тем, что генетически это коллективное и не зависящее от воли и настроения отдельной личности чувство. Кроме того, печалась, человек ясно осознает, что потеря близкого, разлука с ним безвозвратна. Печаль помогает эмоционально пережить эту потерю, свыкнуться с мыслью о ее неотвратимости и обрести новый покой путем иной формы контакта с ушедшим. Именно эта иная форма контакта с умершим и называется по-русски *печалью*.

У польской и чешской лексемы *smutek*, оказавшейся в центре рассматриваемой микросистемы данных языков, семантические и грамматические свойства русских *грусть* и *печаль* совмещены. Подобно *печали*, слово *smutek* (как и его производные) способно передавать уныние, вызванное смертью близкого человека. Одновременно, подобно *грусти*, оно может обозначать депрессию, не связанную с утратой близких. Ср.:

Smutek ≈ печаль	Smutek ≈ грусть
<p>(1) [Гринева снится сон о том, что умер отец.] Вижу, комната слабо освещена, у постели стоят люди с печальными лицами (Пушкин). – польск. Widzę; pokój słabo oświetlony, u wezglowia stoja ludzie ze smutnymi twarzami. – чешск. Vidím, pokoj je slabě osvětlen: u postele stojí lidé se smutnými tvářemi.</p>	<p>(2) ...С грустью наблюдаю я в последние годы, что на свете становится все меньше хороших приказчиков и разумных политиков, а все потому, что свет гонится за модой (Прус). – ...Ze smutkiem od kilku lat zauważam, że na świecie jest coraz mniej dobrych subiektów i rozumnych polityków, wszyscy stosują się do mody.</p>
<p>(3) Но другие уже подхватили похоронный напев, и вот в загаженной, заплыванной, прокуренной столовой понеслись чистые ясные аккорды панихиды Иоанна Дамаскина, проникнутые такой горячей, такой чувственной печалью, такой страстной тоской по уходящей жизни (Куприн). – польск. Jednakże inni podchwycili tę melodię i oto w brudnej, zaplutej, zadymionej jadalni rozległy się czyste, wyraźne akordy nabożeństwa żałobnego Jana z Damaszku, przepojone żywiołowym, przejmującym smutkiem, dotkliwą tęsknotą po uchodzącym życiu.</p>	<p>(4) Она [Люция] ответила, что предпочитает ходить [в кино] одна. Я спросил, не потому ли это, что ей грустно в жизни. Она согласилась. Я добавил, что мне тоже невесело. Ничто не сближает людей быстрее <...>, чем грустное, меланхолическое соучастие... (Кундера). Řekla, že chodí rádeji sama. Zeptal jsem se jí, zda je to proto, že se cítí být v životě smutná. Přisvědčila. Řekl jsem jí, že mi taky není veselo. Nic nesbližuje lidi rychleji <...> jako smutné, melancholické porozumení.</p>

⁶ А. Вежбицкая, *op. cit.*, с. 26.

Кроме того, благодаря семантике дативных конструкций (см. *Smutno mi*), в которых активно употребляется рассматриваемая лексема, она интимизирует, делает более субъективной, личностной передаваемую ею эмоцию. Например:

В польском языке	В чешском языке
<p>(5) Winiennem jej dozgonną wdzięczność, bo gdyby nie szła dla niej, nie dorobiłbym się majątku i spleśniałbym za kantorkiem. A teraz może mi smutno będzie bez tych żalów, rozpaczy i nadziei... (Прус).</p> <p>В сущности, я должен ей быть благодарен до гроба, ибо, не влюбись я в нее, не нажить бы мне состояния и вечно бы корпеть за конторкой. А сейчас – может, и грустно мне будет без этого томления, отчаяния, надежд...</p>	<p>(6) Bylo jí smutno, proto si je dávala ve svém pokojíku v internátu do vázičky (Кундера).</p> <p>[Ей] было грустно, и в своей комнатке в общежитии она ставила их [цветы] в вазу.</p>

Процесс переживания горя по поводу смерти близких в чешском языке обозначается отглагольным существительным *truchlení*, которое образовано от глагола *truchlit* ‘огорчаться, печалиться, причитать, оплакивать’⁷. Характеризуя этот процесс, чешский психолог Т. Соукупова отмечает, что он сопровождается многими эмоциями: «К проявлениям процесса переживания горя (*truchlení*) на эмоциональном уровне относятся *грусть (smutek)*, *скорбь (zármutek)*, *печаль (žal)*, *подавленность (sklíčenost)*, ограниченное переживание радости, *тоска (touha)* по умершему, *страх (strach)*, *тревога (úzkost)*, бессилие и безнадежность, гнев, злоба, зависть, ревность, чувство вины, одиночества и опустошенности⁸. См., например, внутренний монолог героини романа М. Кундеры «Вальс на прощание» Камиллы, размышляющей о своих эмоциях, вызванных смертью матери:

(7) Ta bolest byla milosrdně mnohobarevná: byl v ní **smutek**, **stesk**, **dojetí**, **sebevůčítky** (pečovala o ni dostatečně? nezanedbávala ji?) i tichý úsměv (Кундера). – Та боль [по поводу смерти матери] была милосердно многоцветна: в ней переплетались **скорбь**, **печаль**, **растроганность**, **угрызения совести** (достаточно ли она заботилась о ней? не забывала ли о ней?) и тихая улыбка.

⁷ *Slovník spisovně češtiny*, Praha 2004, s. 457.

⁸ T. Soukupová, *Umíme ještě truchlit?* <<http://www.vasedeti.cz/clanky.php?navez=Um%C3%AD-me%20je%C5%A1t%C4%9B%20truchlit?&clanek=1867>>.

Переживание горя чешской языковой личностью начинается с эмоции *smutek*, и в этом отношении она не похожа на русск. *грусть*, которая, как уже говорилось, обычно не ассоциируется со смертью. Чешск. *smutek* ближе по семантике к русской *печали*. Проявляется это, в частности, в том, что у этой лексики имеются два переносных значения: а) ‘doba vnějších projevů zármutku po smrti někoho blízkého’, т.е. ‘период внешнего проявления печали после смерти кого-то из близких’ и б) ‘černý smuteční šat’, т.е. ‘черная траурная одежда’⁹, что соответствует таким русским понятиям, как ‘скорбь’ и ‘траур’. Кроме того, как отмечается в чешском сегменте «Википедии», «*smutek je stav nálady, vyjadřující ztrátu věci či osob blízkých, nebo obecně pocit negativní situace*», т.е. «*smutek – настроение, вызываемое потерей вещей или утратой близких либо обычно ощущением негативной ситуации*».

Таким образом, чешск. *smutek* – это печаль, которая заметна всем окружающим, что находит проявление в соблюдении определенных ритуальных норм, обозначающих понесенную человеком утрату. Этот ритуал передается по-чешски также словом *smutek* (семантика этого лексико-семантического варианта рассматриваемой лексики соответствует русскому *траур*).

Эмоция *smutek* как внешней, отчасти демонстративной печали в чешской лингвокультуре противопоставлена эмоция *žal*, обозначающая печаль внутреннюю. Как отмечается в чешском сегменте «Википедии», «*smutek z trvalé ztráty něčeho velmi významného (např. úmrtí blízké osoby) je vystupňován v žal, tedy smutek akcentovaný zoufalstvím nad nenávratnem nejvyšší hodnoty*», т.е. «*smutek из-за безвозвратной утраты чего-то очень значимого (например, смерти близкого человека), может перерасти в žal (≈ печаль), в этом случае smutek усиливается отчаянием по поводу невозможности вернуть наивысшую ценность*».

Эмоция *žal* (≈ печаль), по словам чешского психолога М. Врabcовой, «является внутренней реакцией на утрату близкого человека и обозначает то, что мы чувствуем внутри – в наших сердцах и мыслях, ощущаем в наших телах»¹⁰.

Наконец, наступает достаточно длительный период осознания случившегося и смирения с ним, который называется по-чешски *zármutek* (≈ скорбь). Показательно, что это слово используется в формулах, употребляемых в некрологах. См. выражение *s hlubokým zármutkem* = с глубоким прискорбием, а также заголовок в одной чешских газет,

⁹ *Slovník spisovné češtiny*, s. 398.

¹⁰ М. Vrabcová, *Ztráta, zármutek a Huna*, <http://www.wai.estranky.cz/clanky/huna-s-marjan-kou/ztrata_zarmutek-a-huna>.

предпосланный статье об откликах на трагическую смерть известного чешского хоккеиста и тренера Ивана Глинки: «Hlinkova smrt vyvolala *zármutek* i v Rusku a v USA» – «Смерть Глинки отозвалась *скорбью* также в России и в США».

В польской лингвокультуре соотношение между эмоциями *smutek* и *żal* прямо противоположно чешской: *smutek* передает внутреннюю печаль, тогда как *żal* – внешнюю.

Внутренний характер эмоция *smutek* проявляется, в частности, в том, что она ближе к русской *тоске*. Относительно этой эмоции в польском сегменте Википедии говорится: «*smutek* pojawia się np. wtedy, gdy w czymś się nam nie powodzi, ale także wtedy, kiedy pozornie wszystko jest w porządku, ale otaczająca rzeczywistość nie daje zadowolenia, nie wystarcza. Powodem *smutku* może być także samotność, lenistwo lub przesyty w rozrywkach» – т.е. «*smutek* появляется, например, тогда, когда нам в чем-то не везет, а также тогда, когда на первый взгляд все в порядке, но окружающая действительность не доставляет удовольствия, не устраивает. Причиной эмоции *smutek* может быть также одиночество, лень или пресыщение в развлечениях».

Именно разочарование в окружающей действительности, хроническое невезение, одиночество, пресыщенность считаются в русской лингвокультуре причинами, вызывающими *тоску*. В польской же лингвокультуре они являются причинами эмоции *smutek*. Показательно, что на месте русск. *тоска* (и его производных) в параллельном польском тексте нередко возникает слово *smutek* (и его производные). См.:

В русском тексте	В польском тексте
(8) Тоска взяла меня; я отошел от окошка и лег спать без ужина (Пушкин).	Smutek mnie ogarniał; odszedłem od okienka i położyłem się spać bez wieczerzy.
(9) А меня такая тоска берет, что иной раз, ей-богу, места себе не нахожу.	A mnie tak nurtuje smutek , że nieraz, dalebóg, miejsca znaleźć nie mogę. (Прус).

Если эмоция *smutek* в польской лингвокультуре, сближаясь с русской *тоской*, передает внутреннее чувство, связанное с утратой кого-либо, то эмоция *żal* обозначает внешнее проявление этого чувства. Характерна в этом плане официальная формула, извещающая о смерти, в польском языке: „Z głębokim **żalem** i smutkiem zawiadamiamy o śmierci N” – «С глубокой **скорбью** и печалью сообщаем о смерти N», а также семантика ряда польских лексем с тем же корнем: *żałoba* ‘траур’, ‘траурная одежда’, *żałobnik* ‘человек, носящий траур’, книжное *żałość* ‘скорбь, печаль’¹¹.

¹¹ *Słownik języka polskiego*. Red. naukowy M. Szymczak, Warszawa, 1981, t. III, s. 1084.

Контексты, в которых употребляется лексема *żał*, также обозначают активное внешнее проявление печали:

(10) Na to pani Małgorzata znowu w płacz. **Z rozpaczy po śmierci męża** wpadła nawet w taki gniew zapalczywy, że nazwała mnie trzy razy niedołągą, człowiekiem nie znającym życia, potworem <...> Potem przeprosiła mnie i zaklęła na wszystkie sakramenta, abym nie obrażał się za słowa, które jej **żał** dyktuje (Прус).

Букв. ...*чтобы я не обижался на слова, которые ей печаль диктует.*

Тут пани Малгожата опять ударились в слезы. **С горя**, что ли, **по покойному мужу**, она вдруг впала в такую ярость, что раза три обозвала меня растяпой, простаком, не знающим жизни, уродом <...> А потом извинялась передо мной и заклинала меня всеми святыми, чтобы я не обижался на ее слова, потому что она потеряла разум от **горя**.

(11) W tej chwili kilkunastu oficerów <...> zbliżyło się do księcia, który rzekł:

– Моści panowie, **król umarł!**

Головы открыты się как на коменде. Тварзе споважняły. Wieść tak niespodziana mowę wszystkim odjęła. Po chwili dopiero wybuchnął **żał** powszechny (Сенкевич).

В эту минуту более десятка офицеров <...> приблизились к князю, и тот им объявил:

– Милостивые государи, **король скончался!**

Головы как по команде обнажились. Лица посерьезнели. Столь неожиданное известие лишило всех речи. Лишь спустя какое-то время общее **горе** обнаружилось себя.

Русская эмоция *тоска* в словарях обычно толкуется как «душевная тревога, соединенная с грустью» либо как «тяжелое душевное состояние, характеризующееся томлением, грустью, *тревогой* и упадком сил».¹²

Таким образом, важнейшая составляющая русской *тоски* – *тревога*, т.е. особый, иррациональный, вид страха, источники которого непонятны для человека.

Итак, русская тоска – это соединение печали или грусти с тревогой. Показательны в этом отношении переводы приводимого ниже отрывка из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», содержащего лексему *тоска*, на польский и чешский языки. Польские и чешские переводчики увидели разные стороны этой русской эмоции: в польском переводе использовано прилагательное *smutny* ‘грустный, печальный’, а в чешском – наречие *úzkostlivě* ‘тревожно, подавленно’, обозначающее иррациональный страх:

¹² См.: С. И. Ожегов, *Словарь русского языка*, Москва, 1988, с. 656; П. Я. Черных, *Историко-этимологический словарь русского языка*, Москва, 1993, т. II, с. 253.

Русский оригинал	Польский перевод	Чешский перевод
(12) Маргарита вцепилась в больничный халат, прижалась к нему [Мастеру] и сама начала бормотать в тоске и слезах: – Боже, почему же тебе не помогает лекарство?	Małgorzata wczepiła się w szpitalny szlafrok, przytuliła się do Mistrza i także zaczęła mamrotać, smutna , zalana łzami: – Boże, dlaczego nie pomaga ci lekarstwo?	Markéta zaryla nehty do nemocničního županu, přitiskla se k Mistrovi a úzkostlivě hořekovala: „Bože, jak to, že ti lék nepomáhá?“
тоска =	грусть (печаль)	+ тревога

В словарном толковании **польского** *tesknota* «uczucie żalu, wywołane rozłąką z kimś, brakiem lub utratą kogoś, czegoś»¹³, т.е. «чувство печали (скорби), вызванное разлукой с кем-то, отсутствием или утратой кого-то, чего-то» отсутствует семантический компонент, обозначающий иррациональный страх. Именно поэтому, когда в русском *тоска* значение страха выходит на первый план, польские переводчики вынуждены употребить не слово *tesknota*, а лексему *lęk*, обозначающую иррациональный страх:

(13) В смертельной **тоске**, отравлявшей душу в начале болезни, Кузьма бредил снегирем, Клашей, Воронежем (Бунин). – W śmiertelnym **lęku**, zaturwającym mi duszę na początku choroby, Kuźma bredził o śniegulce, o Kławdii, o Woroneżu.

С другой стороны, русский переводчик, встретив в польском художественном тексте слово *smutek* ‘грусть, печаль’ в контексте, обозначающем состояние предсмертного страха, переводит его русским *тоска*:

(14) Spojrzał na mnie ciemnymi oczyma z nieopisanym **smutkiem** i wyszeptał chrapliwym głosem: «Nie trzeba deptać... Niemcy są też ludźmi» (Прус). – Он [немецкий солдат] с невыразимой **тоской** глянул на меня темными глазами и с трудом прохрипел: «Не надо топтать... И немцы – люди...».

Разлука с любимым человеком или с родиной для польской языковой личности является главной причиной тоски. Более того, по мнению А. Вежбицкой, семантический компонент разлуки вышел у польского *tesknota* на первый план после раздела Польши в конце XVIII века, Польского восстания 1830 года и последовавшей за ним эмиграцией¹⁴.

¹³ *Słownik języka polskiego*, t. III, s. 502.

¹⁴ A. Wierzbicka, *Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configuration*, Oxford University Press, New York 1992, p. 124.

Показательно, что, если источник или объект тоски не назван или непонятен из более широкого контекста (и таким образом реализуется значение тоски как хандры), то русскому *тоска* в польском тексте соответствуют лексемы *smutek* ‘грусть’, *udręka* ‘мука, страдание’, *nuda* ‘скука’ и их производные. См. примеры (8, 9), а также:

(15) С удивлением, **тоской** и ужасом начинал Ромашов понимать, что судьба ежедневно и тесно сталкивает его с сотнями этих серых Хлебниковых (Куприн). – Ze zdziwieniem, **smutkiem** i przerażeniem zaczynał Romaszow rozumieć, że los co dzień styka go blisko z setkami tych szarych Chlebniaków.

(16) «Я стою, я молчу», – с **тоской** думал Ромашов (Куприн). – «Stoję, milczę – z **udręką** myślał Romaszow.

(17) Опять шел Ромашов домой, чувствуя себя одиноким, **тоскующим**, потерявшимся в каком-то чужом, темном и враждебном месте (Куприн). – Znów szedł do domu samotny, **znudzony**, zagubiony w jakiejś obcej, ciemnej i wrogiej przestrzeni.

Другим объектом тоски в польской лингвокультуре может быть некая абстрактная ценность, которую тоскующий хочет обрести. На этой основе у польского *tęsknota* выделяется второе лексическое значение «silna chęć osiągnięcia, pozyskania czegoś» (SJP: III; 502), т.е. «сильная жажда достижения, завоевания чего-либо». Интересно, что в этом значении лексема *tęsknota* способна к образованию множественного числа. См. примеры из «Корпуса польского языка»¹⁵:

(18) Gdy alkohol odebrał mężowi męskość, na obiekt swych kobiecych **tęsknot** wybrała **młodego gimnazjalistę**.

(19) Choćby tak ważna dla roku 1905 «idea polska» – zespół **tęsknot niepodległościowych**.

(20) Świat baśni ludowej jest bowiem zawsze wcieleniem marzeń i **tęsknot** ludu **do dobrobytu i sprawiedliwości**; worki dukatów, pałace i trony.

Чешский язык обладает гораздо более обширным репертуаром слов, обозначающих ‘тоску’: *tesknota*, *stesk*, *tíseň*, *touha*. Лексема *tesknota* имеет книжный оттенок и потому малоупотребительна. В центре же анализируемой чешской микросистемы оказывается слово *stesk*. Оно не только самое частотное, но и обладает наиболее разветвленными словообразовательными связями. В соответствующее словообразовательное гнездо входят прилагательное *teskný*, наречие *teskně*, глагол *stýskat se*. Примечательно, что, в отличие от русского *тосковать*, этот

¹⁵ <<http://korpus.pwn.pl>>.

чешский глагол является безличным и употребляется только в безличных дативных конструкциях. См., например, предложение *Stýska se mi po tobě* (букв. тоскуется мне по тебе), которое М. Кундера называет «самой трепетной чешской фразой любви»¹⁶.

Анализируя подобные дативные конструкции в русском языке, А. Вежбицкая приходит к выводу, что описываемые в них эмоции представляются возникшими спонтанно¹⁷. В чешском языке эта спонтанность и независимость тоски от человека маркированы синтаксическими средствами.

Чешский концепт «STESK» оказывается ближе по своей семантике к русскому *печаль*. Характерно, что в русском параллельном тексте ему соответствует *печаль* или *грусть*, а в польском – *smutek* ‘грусть, печаль’. Ср., например:

В чешском оригинале	В польском переводе	В русском переводе
(21) Kdykoli pomyslím na staré antycké kultury, pojme mě stesk . Snad je to kromě jiného i teskná závist nad tou unyle sladkou pomalost tohdejší historie (Кундера).	Pekroć pomyślę o starych kulturach antycznych, ogarnia mnie smutek . Może poza wszystkim innym jest to także smętna zazdrość o tę senną, słodką powolność ówczesnej historii.	Стоит мне подумать о древней античной культуре, как меня принижывает грусть . Кроме прочего, возможно, она навеяна печальной завистью к уныло-сладкой неспешности тогдашней истории.

Чешск. *tíseň*, мотивированное параметрическим прилагательным *tesný* ‘тесный’, толкуется в словаре как «stav úzkosti», т.е. «состояние тревоги, иррационального страха»¹⁸. Таким образом, семантика иррационального страха в значении чешск. *tíseň* доминирует, поэтому данная лексема, как правило, употребляется в контекстах, где в описании тоски на первый план выходит семантический компонент страха. См., например:

(22) Jenimže **tíseň**, která tu spadla ze mne, **dopadla plnou vahou** na Kláru (Кундера). – Однако **тоска**, оставившая меня, всей своей тяжестью **придавила** Клару.

(23) [Музыкант Клима ужинает в ресторане со своей любовницей и **боится**, что его узнают и запомнят в ее обществе.] Когда он [Клима] <...> увидел на

¹⁶ М. Кундера, *Неведение*. Пер. Н. Шульгиной, Санкт-Петербург 2004, с. 12.

¹⁷ А. Вежбицкая, *Язык. Культура. Познание*, Москва 1996, с. 33–88.

¹⁸ *Slovník spisovné češtiny*, s. 449.

стене против гардероба свою большую фотографию на афише <...>, его **охватило чувство тоски**. – Když [Klíma] <...> spatřil na zdi proti šatně svoji velkou fotografii na plakáte <...> **sevřel ho pocit tísně** (Кундера).

Чешский глагол *toužit* чаще маркирует жажду телесной любви. См., например:

(24) A přeče k tomu, abych byl tehdy dosáhl těla, po němž jsem tak zoufale **toužil**, stačulo jen <...> abych se v ní vyznal. (Кундера) – Хотя для того, чтобы овладеть ее телом, о котором я так отчаянно тогда **мечтал**, достаточно было <...> понять ее.

(25) **Touha** po souloži se v něm sblížovala s **touhou** po zošklivení (Кундера). – **Жажда** обладания сближалась в нем с **жаждой** отвержения.

Этот чешский глагол, как и субстантив *touha*, того же корня, что и русск. *тужить*, *тяжесть* и устар. *туга*. Показательно, что для передачи чешского *touha* переводчица Нина Шульгина находит в русском языке очень точное соответствие – *тяга*. См.:

(26) Jak jsme již řekli, byly to týdny trýzně. A trýzeň byla o to větší, že Eduardova **touha** po Alici zdaleka nebyla jenom **touhou** těla po těle; naopak, čím víc byl odmítán tělem, tím se stával **stýskavější** a bolavější a tím víc si žádal i jejího srdce (Кундера). – Как уже было сказано, это были недели мучений. И муки были тем сильнее, что **тяга** Эдуарда к Алице вовсе не ограничивалась **тягой** тела к телу; напротив, чем больше его отвергало ее тело, тем **печальнее** и несчастнее он становился и все больше нуждался в ее сердце.

Весьма характерно, что внутренняя форма русск. *тоска*, польск. *teżknota*, а также четырех чешских лексем, передающих эту эмоцию (*tesknota*, *stesk*, *tíseň*, *touha*), тоже основана на идее сжатия: *тоска*, *teżknota*, *stesk* соотносятся с *тискать*, *tíseň* – с *тесный*, *touha* – с прилагательным *тугой* и существительными *тяжесть* и *тяга*¹⁹.

Однако русск. *тоска*, польск. *teżknota*, а также чешск. *tesknota* и *stesk* этимологически связаны еще и с *тощий*, *тищитный* и *тошнота*. *Тоска*, по В. В. Колесову, – «это стеснение, она истощает». Благодаря смысловой близости к *тыщ* ‘пустой, полый’, по мнению ученого, *тоска* передает бесполезность, суетность, пустоту, тщетность жизни. Исследователь приводит мысль А. А. Потебни о том, что *тоска* – «переход от физической тошноты к нравственному состоянию»²⁰. Очевидно, именно эта

¹⁹ Н. М. Шанский, Т. А. Боброва, *Этимологический словарь русского языка*, Москва, 1994, с. 320, 326; A. Brückner, *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Warszawa 1974, с. 570; J. Rejzek, *Český etymologický slovník*, Praha 2001, s. 659, 667.

²⁰ В. В. Колесов, *op. cit.*, с. 76–77.

этимологическая связь позволила данным лексемам стать средствами обозначения рассматриваемой эмоции.

Два указанных компонента внутренней формы слова *тоска* и ее соответствий в польском и чешском языках (идея сжатия и идея пустоты) в современных языках проявляются в типичных метафорических моделях.

Идея сжатия проявляется в том, что *тоска* может *придавить*, *навалиться*, *угнетать*, *сжать сердце*. См., например:

(27) *Padl do mne strašlivý stesk*: byl jsem bez Lucie a veděl jsem, že ji nevidím celé dva měsíce (Кундера). – На меня *навалилась* страшная *тоска*: я остался без Люции и знал, что не увижу ее целых два месяца.

(28) *Tichý dlouhý stesk jí sevřel srdce* (Кундера). – Тихая затяжная *тоска сжала* ей *сердце*.

(29) И всем на минуту стало *тоскливо* и *тесно* под этим *низким* потолком в затхлой комнате, среди *узкой*, глухой и слепой *жизни* (Куприн). – польск. *Wszystkim, którzy tkwili w tym ograniczonym, tęnym i ślepy m życiu, zrobiło się na chwilę smutno i ciasno pod niskim sufitem w zatęchłym pokoju.*

Идея пустоты проявляется в том, что писатели активно используют образ пустого помещения как метафору состояния души. См., например, приводимые А. Вежицкой строки М. Цветаевой *По тебе внизу тоскует мама, // В ней душа грустней пустого храма*. В рамках этой метафорической модели особенно активно употребляется чешск. *stesk*, маркируя идею душевной опустошенности. См. фрагменты из романа М. Кундеры «Шутка»:

(30) *Měl jsem prázdno v duši a chtěl jsem ji volat nazpět, protože se mi po ní stýskalo už v té chvíli, kdy jsem ji vyháněl, protože jsem věděl, že je tisíckrát lepší být s Lucií oblečenou a zdráhající se než být bez Lucie; protože být bez Lucie znamenalo být v absolutní opuštěnosti.* – Душа моя была совсем *пуста*, хотелось вернуть Люцию, я ведь *тосковал* по ней уже тогда, когда гнал от себя, потому что знал: в тысячу раз лучше быть с Люцией, одетой и строптивой, чем быть без Люции, так как быть без Люции значит быть в одиночестве.

(31) *Od onoho večera se ve mně všechno změnilo; byl jsem opět obydlen; nebyl jsem už jen žalostnou prázdňinou, v níž se proháněly (jak smetí ve vyrabovaném pokoji) stesky, výčitky a žaloby; pokoj mého nitra byl náhle uklizen a kdosi v něm žil.* – С того вечера все во мне изменилось; я вновь стал *обитаем*; я не был уже той горестной *пустотой*, по которой гуляли (*как сор по разграбленному жилищу*) печали, угрызения и жалобы; *обитель нутра моего оказалась вдруг кем-то убранной и заселенной*.

Игру слов *тоска* и *тщетность* очень выразительно использует переводчица романа М. Кундеры «Шутка» Нина Шульгина:

(32) Býl jsem spíš objektem než subjektem celého svého příběhu a nemám se tedy (nechci-li považovat za hodnotu trápení, **smutek** či dokonce **marnost**) vůbec čím chlubit (Кундера). – Я был скорее объектом, а не субъектом всей своей истории, и мне тут (если не считать достоинством страдания, **тоску** или даже **тщетность**) вовсе нечем хвастать.

Сосуществование этих свойств тоски – тесноты и пустоты – известный этнограф А. К. Байбурин объясняет тем, что в ситуации смерти мир, с одной стороны, «переполняется» избыточными объектами (смерть, покойник и его атрибуты), с другой – среди живых образуется пустота, вызванная смертью близкого человека, эта пустота и заполняется тоской. В результате мир «теряет свою привычную конфигурацию, становится если не новым, то незнакомым. В этой ситуации неизменно появляется страх». По словам исследователя, для появления страха достаточно было бы чего-то одного (либо тесноты, либо пустоты), но здесь присутствуют обе схемы, и страх сопровождается тоской. Каждое из этих переживаний имеет свою сильную позицию: страх соотносится с присутствием смерти, а тоска – с пустотой. «В контексте похоронной обрядности, – подчеркивает ученый, – **пустота** имеет двоякий смысл: во-первых, пустота во внешнем пространстве (этот вид пустоты как раз и вызывает **страх**), во-вторых, пустота в живых, в их душах после смерти близкого человека. Такая (внутренняя) пустота связывается с **тоской**. Связь тоски с пустотой многопланова: тоска **заполняет** образовавшуюся пустоту; тоска **опустошает** человека и, наконец, тоска сама является пустотой»²¹.

Различное отношение к *тоске* (преимущественно негативное) и к *печали* (в основном позитивное) в традиционной культуре, как кажется, позволяет разграничить функции этих эмоций.

Тоска, как отмечает А. К. Байбурин, осуждается традиционным сознанием по нескольким причинам. Во-первых, тоска наносит вред как живому, так и мертвому²²: живой начинает сохнуть, а мертвому тяжело лежать (эта тяжесть, зафиксирована, в частности, в др-русск. *тоуга* и чешск. *touha*). Во-вторых, тоска противоречит христианскому пониманию смерти как началу «вечной жизни», поэтому тосковать

²¹ А. К. Байбурин, *Тоска и страх в контексте похоронной обрядности (к ритуально-мифологическому подтексту одного сюжета)*, [в:] *Труды факультета этнологии*, 1, Санкт-Петербург 2001, с. 99.

²² Тот факт, что тоске, по народным представлениям, подвержены не только живые, но и мертвые, зафиксирован, например, в словаре В. И. Даля. См.: «На Феодора покойники тоскуют по земле» (В. И. Даль, *Словарь живого великорусского языка*, т. 4, Москва, 1989–1991, с. 422).

считалось допустимым лишь до сорокового дня, когда, по христианским представлениям, душа покойного покидает землю. В-третьих, нарушение *временных* ограничений тоски ведет к нарушению *пространственных* границ между миром живых и миром мертвых: покойник начинает «ходить» к тоскующей по нему родне.

Осуждая неумеренную тоску, традиционная культура стремится к регламентации памяти о покойных, предписывая вспоминать их только в строго определенные дни и в соответствии с определенными ритуалами, которые, с одной стороны, защищают от чуждого мира мертвых, а с другой – устанавливают гармонию взаимоотношений между этими мирами.

В этом отношении весьма показательным стихотворением А. Пушкина «Что в имени тебе моем...», написанное как бы от имени человека, ушедшего «в мир иной». Лирический герой осуществляет коммуникацию с возлюбленной через особый ритуал:

(33) Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...

Собственно, это и есть печаль, понимаемая как древний ритуал произнесения имени умершего в строго определенное время («в день печали, в тишине»). Именно в этот момент и допустимо тосковать.

Несколько иное отношение к тоске можно наблюдать в польской и чешской лингвокультурах. Так, польск. *tęsknota*, которое, как уже говорилось, сближается по семантике с русской *печалью*, оказывается, подобно русской *печали*, своеобразным средством коммуникации живых и мертвых, позволяющим им соединиться в вечности. Показательна в этом отношении эпитафия на одной из могил в Польше:

<p>(34) Choć Cię ukryły tajemnicze wrota, Droge mi wskaże Ariadny nić złota moja <i> tęsknota</i></p>	<p>Хотя тебя укрыли тайные врата, Дорогу мне укажет Ариадны нить золотая – моя тоска.</p>
---	--

Польский лингвист И. Борковский, процитировавший эту надпись в своей работе о языке эпитафий, замечает, что для данного речевого жанра вообще характерна оппозиция: «ты, умерший, счастлив» – «мы, живые, находимся в нескончаемой скорби». Ученый подчеркивает, что

длительность состояния скорби является важной составляющей идеального поведения живых в отличие от мертвых. «Конечным пределом для скорби, – пишет И. Борковский, – может стать только собственная смерть и встреча с умершим»²³.

Синтагматической особенностью польск. *teżknota* и *teżknić* является их сочетаемость с предложно-падежной формой *za* + *T.n.*, обозначающей объект тоски. См., например:

В польских текстах	В русских текстах
(35) Kuźma barwnie opisał jego przedśmiertne błagania, myśli i teżknotę za grzesznym, tak przedwcześnie przerwany życiem	Кузьма горячо изложил его предсмертные мольбы, думы, его скорбь о своей несправедной и «так рано пресекшейся жизни... » (Бунин).
(36) Byłem we Włoszech, Francji, Niemczech, nawet w Anglii, a wszędzie nekłała mnie bieda i żarła teżknota za krajem (Прус).	[Я] был и в Италии, и во Франции, и в Германии, и даже в Англии — и всюду преследовали меня бедствия и терзала тоска по родине .

В результате объект тоски предстает как расположенный за некой чертой, в ином мире.

В чешской лингвокультуре тоска, судя по всему, также может быть уделом только живых. В коммуникации живых и мертвых это также путь к соединению в вечности. Показателен в этом отношении следующий фрагмент из романа М. Кундеры «Шутка»:

В чешском оригинале	В русском переводе
(37) Dovéděl jsem se o své mamince, až když už dávno nežila. <...> Představuji si rád [mamičinu tvář]. <...> Mamičina tvář nebyla nikdy smutná . <...> Kdo žije ve věčnosti, netrpí steskem. Ví, že lidský život trvá většinu a že setkání je blízké. Ale když jsem žil v Brně a nechával tatínka samotného, zdávalo se mi, že mamičina tvář je smutná i vyčítavá . A já jsem chtel žít s maminkou v míru.	О маме я узнал, когда ее уже давно не было в живых. <...> Я люблю представлять себе [ее лицо]. <...> Мамино лицо никогда не бывало печальным. <...> Кто живет в вечности, тот не мучится печалью! Он знает, что жизнь человеческая длится мгновение и что встреча близка. Но когда я бывал в Брно и оставлял отца одного, мне казалось, что мамино лицо печально и укоризненно . А я хотел жить с мамой в ладу.

²³ I. Borkowski, *Śmierci tajemnicze wrota. Językowy świat inskrypcji nagrobnych*, [В:] *Język a Kultura*, t. 13, Wrocław 2000, s. 350–352.

***

Подведем итоги. В русской лингвокультуре эмоция *печали*, выражающая уныние в связи со смертью близкого человека, до сих пор воспринимается как эмоция в значительной степени коллективная (ср. невозможность использования лексики *печаль* в дативных конструкциях типа *Мне печально). В польской и чешской лингвокультурах возникающие в аналогичных ситуациях эмоции *smutek* и *žal / žal* воспринимаются как более личностные, интимные или отчасти демонстративные.

Эмоция *тоски* в русской языковой картине мира на первый взгляд кажется очень личностной: причины, ее вызывающие, могут быть любыми, формы, в которых она может проявляться, – весьма многообразными (от депрессии и тихого запойного пьянства до бурных агрессивных проявлений). Между тем весьма примечательно, что тоска другого человека воспринимается окружающими как нечто извинительное даже в тех случаях, когда внешние проявления этой тоски грозят им серьезными неудобствами. Это, пожалуй, один из немногих случаев, когда общество в русской лингвокультуре относится к личности с пониманием и чуткостью. Следовательно, тоска в известной степени не разрывает, а, наоборот, укрепляет межличностные связи. С другой стороны, сама тоска на самом деле не столько личностное, сколько социальное чувство (это, в частности, отличает *тоску* от *грусти*). В самом деле, тоска по умершему или отсутствующему человеку – это стремление восстановить утраченные социальные связи. Безобъектная тоска (*Мне тоскливо*) на самом деле вызвана тем или иным разрывом с обществом (потерей работы, неудовлетворенностью карьерой, проблемами в семье, отсутствием цели в жизни). Даже в тех случаях, когда тоска вызвана потерей вещи (семейной реликвии, фотографии, подарка), то в конечном счете это тоже тоска по людям, с которыми человек был связан через эту вещь.

На этом фоне в чешской языковой картине мира тоска предстает как более личностное чувство. Это проявляется в многообразии лексических средств, обозначающих тоску (см. чешск. *stesk, tíseň, tesknota, touha*), каждое из которых акцентирует внимание на том или ином аспекте переживания данной эмоции, а также в специфической синтагматике глагола *stýskat se*, который является безличным, употребляется только в дативных конструкциях (типа *Stýska se mi po tobě*), маркирующих спонтанность наступления тоски.

Польская тоска акцентирует основное внимание на разлуке с человеком или родиной либо на стремлении обрести некую ценность.

**Russian Concepts «Печаль», «Грусть» ($\approx$ Sadness) and «Тоска» ($\approx$ Yearning)
Compared to Polish and Czech Linguistic Cultures**

The article analyses Russian emotional concepts «печаль», «грусть» ($\approx$ sadness) и «тоска» ($\approx$ yearning) and its correspondences in Polish and Czech. The author comes to conclusion, that Russian linguistic personality feels these emotions as collective, while Polish and Czech ones as personal.